

Сов. секретно.

Секретарю ЦК ВКП(б)

тов. СТАЛИНУ.

Направляю Вам стенограммы очных ставок между Рыковым А.И. и Радиным С.Н. и между Рыковым А.И. и Шмидтом В.В.

Стенограммы очных ставок Рыкова А.И. с Нестеровым Б.П. и Котовым расшифровываются и будут направлены дополнительно.

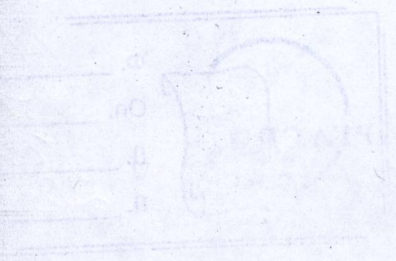
Народный Комиссар Внутренних Дел
Союза ССР

Н. ЕЖОВ

23 февраля 1937г.

№ 55967

ЭО-ен.

СТЕНОГРАММА ОЧНОЙ СТАВКИ

между Радиным и Рыковым - произведенной 22 февраля 1937г.

Предварительное заявление Рыкова до привода Радина.

С Радиным, насколько я помню, у меня был разговор в 1932 году, который мне очень запомнился, так как он шел по чрезвычайно странной теме. Ко мне пришел Радин, начал упрекать меня, заявляя, что же это вы совершенно отстранились от борьбы, нужно включиться опять в борьбу. Я ему заявил, что никаких разногласий нет, нет никакой социальной базы для борьбы, вопрос о колхозах решен, так что об этом сейчас не может быть речи. Никакой платформы нет, из-за чего же бороться? Он сказал, что личного недовольства много. Я ответил, что личное недовольство вещь большая, но политической платформы никто составить не может. Он мне сказал о том, что надо об"единиться, об"единить опять все наши силы. Помню довольно смутно, что он как-то ставил вопрос о войне, об использовании обстановки войны для возобновления борьбы. По вопросу о войне я ответил, что в каждой войне происходит концентрация сил, колебания и т.д. Я резко ему на все это ответил и он ушел. Сейчас, припоминая тот разговор с Радиным, я думаю, что он был послан ко мне от троцкистов и зиновьевцев для зондирования почвы, на предмет вовлечения меня к ним. С Радиным у меня был еще другой разговор, когда он работал еще в газете "За индустриализацию". Его прикрепили к какому-то заводу. Он поэтому по поводу пришел ко мне и заявил, что он работать не может, что он предпочитает выйти из партии. Разговор был общий в присутствии жены и дочери. Я ему сказал, что если у него разногласия с партией имеются, то лучше ошибиться с партией, чем идти против партии, потому, что никакой политической работы вне партии быть не может. Этот разговор помнит жена и дочь, которые тогда присутствовали. Этот персонаж Радин - человек образованный, красный профессор и стоит гораздо выше в этом отношении, чем Нестеров. Нестеров простоватый большой человек.

Ежов (обращаясь к Радину): Показания, которые вы давали на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Радин: Да, безусловно.

Ежов: Никаких неточностей в показаниях у вас нет?

Радин: Нет.

Ежов: Не оговорили ли вы себя или ваших соучастников по организации?

Радин: Нет.

Ежов: Ввиду того, что Рыков отрицает все ваши показания, у меня к вам имеется такой вопрос: не было ли у вас каких-либо личных мотивов оговорить Рыкова?

Радин: Решительно никаких мотивов оговорить Рыкова или кого-либо у меня не было и нет.

Ежов: Не было ли каких-либо политических мотивов у вас оговорить Рыкова, т.е. я имею в виду такие мотивы, скажем, вы, например, продолжали оставаться на позициях борьбы с партией, тогда как Рыков считал, что политика партии правильна. Таких мотивов не было у вас?

Радин: Нет.

Ежов: По существу ваших показаний у меня к вам имеется ряд вопросов. История вашего вхождения в организацию правых нам известна и мы ее здесь касаться не будем, я хотел бы узнать, на каких нелегальных совещаниях организации правых вы присутствовали совместно с Рыковым в 1929 году?

Рыков: Нелегальных?

Радин: Из таких крупных нелегальных совещаний, я подчеркиваю нелегальных совещаний, я припоминаю особо отчетливо одно совещание, которое состоялось на квартире Н.И. Бухарина. Это было в 1929 году, насколько мне память не изменяет во время одного из пленумов ЦК. На этом совещании присутствовали А.И. Рыков, который председательствовал, Н.И. Бухарин, Котов, Куликов, Угланов и кто-то еще, фамилии которого я точно вспомнить не могу, возможно, что это был Угаров. По всему своему характеру и по повестке, которая обсуждалась, собрание носило именно нелегальный характер.

Рыков: Собиралась группа членов ЦК. Почему должно быть совещание нелегальное?

Радин: Там был я и Цетлин (наше присутствие говорило отнюдь не о том, что это есть совещание членов ЦК. Я забыл еще упомянуть о том, что там был еще Розит, который также не являлся членом ЦК.

Рыков: Розит был членом ЦКК?

Радин: Возможно, что он был членом ЦКК, но он был в то же время и членом нелегальной организации правых.

Вопрос, который обсуждался на этом собрании — дальнейшие приемы и формы борьбы против ЦК, против партии. Это собрание проходило во время пленума ЦК. Такие конспиративные совещания проводились не раз. Обычно на этих совещаниях участники правой организации обсуждали тактику своего поведения на пленуме, обсуждали задачи дальнейшей борьбы нашей организации. Насколько мне не изменяет память, на этом совещании как раз стоял вопрос в той плоскости, что методы борьбы, которые проводились до того времени, в известной мере себя исчерпали, т.е. методы использования всех легальных возможностей внутри партии. Высказывался ряд мнений, ряд точек зрения, я не могу, конечно, воспроизвести весь ход прений, который был тогда, так как тогда был разноречивой мнений. Разноречивой мнений у правых не редкость вообще. Он характерен для всего периода борьбы правых с партией. Смысл прений на этом совещании, повторяю, сводился к тому, что надежд на возможность завоевания власти в рамках использования легальных возможностей ни у кого не было. Вопрос стоял ребром, что дальше делать? либо отказаться от борьбы с партией, либо вести ее такими приемами, чтобы обеспечить, во-первых, сохранение участников организации в рядах партии и, во-вторых, накопить силы для решительного удара против сталинского руководства в более благоприятной обстановке. Так стоял вопрос. Больше всего, в частности Алексей Иванович, боялся тогда такого положения, чтоб кто-нибудь из правых не провалился, а значит отсюда и вся организация в целом могла бы быть уличена в фракционной борьбе. А это поставило бы

под удар и всю организацию и всех ее участников, дало бы возможность автоматически применить решение 10-го с"езда, об исключении всех нас из партии тем самым дальнейшая борьба за вербовку кадров из числа недовольных внутри партии чрезвычайно затруднялась. В такой плоскости стоял вопрос.

Вопрос Рыкова Радину: Почему затруднялась вербовка?

Ответ: Это вполне понятно, потому что, если даже колеблющегося партийца будет открыто агитировать беспартийный, из этого ничего не выйдет. Ведь мы, правые, все время прикрывались тем, что мы вовсе не хотим нарушать генеральную линию партии. Каждая группировка, каждая организация, особенно такая, которая выходит из недр партии, для того, чтобы не дискредитировать себя с первых шагов, начинает цитировать при обработке сторонников не Милюкова, а В.И.Ленина. Я думаю, что в этом доказательств не нужно. Совершенно ясно и так. Хороши были бы правые, если бы они в 1929 году подошли к члену партии с проповедью передовицей из "последних новостей".

Ежов: Об этом совещании вы больше ничего не можете добавить?

Ответ: По конспиративным соображениям резолюция не принималась.

Ежов: А вы не помните, что говорил Алексей Иванович Рыков на этом совещании?

Ответ: Тот цикл идей, который я здесь приблизительно изложил, приближается к тому резюме, который делал Алексей Иванович. В частности ссылки, особенно на 10-й с"езд, не дать себя исключить из партии, сохранить кадры, готовиться к более благоприятной обстановке - вот содержание резюме Алексея Ивановича.

Ежов: Томский на совещании выступал?

Радин: Да, на совещании выступали все.

Ежов (обращаясь к Рыкову): У вас есть вопросы к Радину?

Рыков: Это было после пленума 1929 года. Идет речь о пленуме, где Котов и Угланов подали заявление об отходе. Я об этом узнал, когда шел на пленум, в коридоре, который вел в зал заседания. Там мне дали эти заявления и там я их прочел.

Ежов: На этом совещании вопрос о подаче заявления стоял?

Радин: О подаче заявлений решений не принималось. Во всяком случае я этого не помню. Возможно, что я не досидел до конца.

Вопрос Рыкова Радину: Как же вы не досидели до конца, когда вы слышали мое резюме.

Ответ: После вашего резюме никому не возбраняется разговаривать. Это было не заседание Совета Народных Комиссаров, где резюме означает автоматическое прекращение прений. Здесь было собрание лиц, стоящих на одной и той же ноге, в равном положении, члены одной организации.

Ежов: Перейдем к следующим вопросам. Когда вы подали заявление о разрыве с правыми? Было ли это у вас согласовано с А.И.Рыковым?

Радин: Это произошло так. Вопрос о подаче покаянных заявлений решался тройкой, довольно скоропалительно, в такой степени, что Алексей Иванович нас не поставил заблаговременно об этом в известность.

Рыков: "Покаянных" заявлений.

Радин: Да, да, Алексей Иванович, покаянных. Ведь вы же сами говорили надо писать "покаянные" заявления.

Я помню, как Рыков вызывал ближайших своих работников по секретариату: меня, Нестерова, Гольдмана. Это было после ноябрьского пленума, в конце 1929 года, Рыков поставил нас в известность о решении руководящего центра правых относительно подачи "покаянных" заявлений. Так, заявления и назывались, Алексей Иванович. Именно покаянные заявления, во множественном числе, потому, что организация состояла не из

одного человека - вас, и ни из троих, а из многих, и речь шла о подаче покаянных заявлений всеми участниками организации правых. Этот факт отрицать никак нельзя.

Вопрос Рыкова к Радину: Как же так. Ведь Нестеров написал заявление и только после этого сказал об этом мне.

Отв. Радина: Я за Нестерова отвечать не могу. Я говорю так, как это было на самом деле.

Радин: Я могу вам напомнить, Алексей Иванович, обстановку ячейки Совнаркома. Вы знали, что и у меня, и у Нестерова, и у Гольдмана в ячейке Совнаркома шли в то время большие скандалы. Нас начали сильно прорабатывать. Верно это, Алексей Иванович?

Рыков: Вероятно, это было так.

Радин: Не вероятно, а совершенно точно. Вы хотите меня изобличить во лжи?

Рыков: Нет.

Радин: А если нет, то будьте добры подтвердить, что я говорю истинную правду. Вы мне, Нестерову, Гольдману сказали о том, что в центре, в тройке приняли решения о подаче вами покаянных заявлений, вами, а стало быть и всеми остальными.

Рыков: Неверно.

Радин: Это очень легко установить.

Рыков: Я мог вам рекомендовать подать заявление.

Радин: А какая разница? Ясно, что вы нам приказать не могли.

Рыков: Мы такого решения не выносили и такой вопрос не обсуждался.

Радин: Что делала ваша тройка, это вы расскажете потом, а сейчас речь идет о том, какие вы нам давали директивы о подаче "покаянных" заявлений. Факт, который никто не может отрицать.

Ежов Рыкову: Чем вы об"ясните такое положение, что "покаянные" заявления начали подавать правые одновременно в Саратове, Самаре, Воронеже, Иванове, Ленинграде, Казани и т.д. Причем, самое характерное здесь следующее: в это

время проходили партийные активы и пленумы, на которых ваши сторонники утром активно выступали в защиту линии правых, а вечером уже "раскаивались". Ясно, что была дана единая директива, сигнал - "кайтесь",

Рыков: Они видели, что их вожди подали заявления.

Ежов: Они еще не знали о том, что вожди подавали заявления. У нас есть другие факты; документы, что была дана директива "срочно кайтесь".

Ответ: Обо мне вы ни одного такого факта не приведете.

Ежов Радину: Перейдем к следующему моменту. Весной 1930 года вы имели встречу с Рыковым, кажется, при поездке на Урал. Не расскажете ли вы нам об этой поездке?

Ответ: Это была не встреча, а поездка. Алексей Иванович получил от ЦК командировку на Урал с докладом и с отчетом ЦК. Я поехал вместе с ним помогать ему.

В Свердловске на конференции я увидел членов нашей организации правых - Александрова и Кармалитова и пригласил их зайти к нам в вагон. Алексея Ивановича я поставил в известность, что в Свердловске есть наши люди, есть уральский филиал организации правых.

Рыков: Вы так и сказали "уральский филиал", или только сказали - "наши люди"?

Ответ: Я не могу вспомнить самой фразы, я не обладаю стенографической памятью, думаю, что и вы ею не обладаете, но зато могу со всей прямотой сказать о самом факте. Как назвать этих людей не суть важно, "наши ли люди" или "филиал нашей организации". Если бы это были не наши люди, Алексей Иванович, не выразил бы желания повидаться с ними, поговорить, протформироваться у них и сделать, как он называет здесь "свои рекомендации им".

Встреча произошла в вагоне Рыкова.

Алексей Иванович интересовался, прежде всего, партийным положением этих людей, тем, насколько они успели в деле, если хотите, создания себе "доброе имени", доверия в партийной организации, насколько прочно их положение там и насколько они, пользуясь этим своим положением, сумели

вести вербовочную работу по расширению состава этого уральского филиала организации правых.

Кармалитов и Александров информировали Алексея Ивановича о том, что за то короткое время, что они там находятся, они большими успехами вербовочной работы похвастаться не могут, но что сочувствующие элементы внутри партийной организации имеются. Алексей Иванович тогда высказал им свое мнение, дал свои указания о необходимости развертывания вербовочной работы, указал, в частности, на необходимость охватывать этой работой не только партийные элементы из числа колеблющихся и недовольных, но и вести работу за пределами партийной организации, в частности им было указано на необходимость включения в круг своего внимания Магнитогорска, как новой начинающейся стройки, указывал на то, что туда, несомненно, будет приток крестьянской массы, среди которой найдется много недовольных советской властью, равно как на необходимость проведения вербовочной работы среди руководящего хозяйственного командного состава такого крупного строительства.

Вот, примерно, тот круг директив, которые давались Рыковым.

Ежов: В своих показаниях вы говорите об установке центра правых на связь с эсерами. Нельзя ли осветить этот момент? Вы узнали об этом от Алексея Ивановича Рыкова?

Ответ: Нет, я это узнал непосредственно не от Алексея Ивановича. Впервые об этом я услышал от Ефима Цетлина. Цетлин информировал меня о том, что у руководящей тройки центра правых существует на этот счет определенная точка зрения, которая сводится к тому, что правым необходимо в своих интересах использовать то повстанческое движение, то возмущение, которое может создаться и создается, в связи с проведением политики ликвидации кулачества, как класса на базе сплошной коллективизации. Наиболее рьяным поборником, как информировал меня Цетлин, этой точки зрения среди руководящей тройки выступал Бухарин. Цетлин указал также, что общая договоренность существует, между всеми тремя членами центра Бухариным, Рыковым и Томским.

Я не знаю, интересуется ли вас обоснование, о котором мне рассказывал Цетлин, поскольку это выходит несколько из плана вопроса, который вы задали — о разговоре моем с Алексеем Ивановичем.

Ежов: Обоснование нам известно. Вы расскажите какой разговор о связях с эсерами у вас был с Рыковым.

Радин: С Алексеем Ивановичем у нас был не такой длительный разговор, как с Цетлиным. Рыков подтвердил мне, на мой прямой вопрос о том существует ли установка на связь с эсерами, что такая точка зрения действительно существует...

Рыков: Блок с эсерами?

Радин: Сейчас я скажу... что вопрос находится еще в зачаточном состоянии, но принципиально это дело решенное. Рыков считал только необходимым меня предупредить, чтобы эта установка не стала достоянием всех членов организации, считая, что для этого нехватает еще организационных предпосылок и нет налицо общеполитических предпосылок.

Да, блок с эсерами на почве организации повстанческого движения! Именно так, Алексей Иванович.

Ежов: Какие директивы по террору и вредительству были Вами получены от Рыкова, в какой обстановке и когда.

Радин: Вопрос о терроре, как методе борьбы организации правых с партией, основном методе борьбы, наряду с вредительством стал уже после того, как выяснилось, что надежда на организацию массовой борьбы бита, надежда на возможность организации повстанчества — не основательна. Сюда относились прямые директивы Алексея Ивановича и других наших вождей. Я лично получил такую директиву летом 1932 года.

Вы спрашиваете об обстановке, в которой происходило это? Разговор происходил у меня с Алексеем Ивановичем, в Наркомсвязи, в его служебном кабинете, когда я к нему специально приходил и мы беседовали об общем хозяйственном и политическом положении в стране и о тех задачах, которые стоят перед организацией. Алексей Иванович очень мрачно

оценивал обстановку в стране. На мой прямой вопрос — какие выводы для организации вытекают из этой обстановки, в смысле дальнейшей борьбы, он сказал примерно следующее: как ни велики хозяйственные затруднения, тем не менее Сталину может удастся выполнить пятилетку и тогда ставка правых (а это было постоянной ставкой, что сталинское руководство крахнет, не справившись с хозяйственными трудностями), что эта ставка будет бита. Сталинский план индустриализации будет осуществлен. Коль скоро это так, остается два пути, два метода — террор и вредительство. И вот эту директиву о терроре и вредительстве я получил в то время от Алексея Ивановича.

Ежов. Что вы практически в этом отношении предприняли?

Радин. По предложению Алексея Ивановича я прежде всего, поскольку я постоянно держал связь со "школкой" (с группой Слепкова), связался со Слепковым и передал ему эту директиву Рыкова. А Слепков мне сказал, что он знает об этой директиве потому, что он получил такую же директиву от Бухарина.

Во-вторых, аналогичный разговор у меня был через некоторое время с Айхенвальдом.

В-третьих, я сам предпринял кое-какие шаги в организации определенных террористических групп, пытаюсь использовать для этого кое-каких работников в редакции "За индустриализацию".

Вот примерно те практические шаги, которые я предпринял во исполнение директивы Алексея Ивановича.

Ежов. На следствии вы рассказали о директивах, полученных от Рыкова в связи с арестом Слепкова. Что это за директивы?

Радин. Дело происходило таким образом, что на другой день после ареста Слепкова я вместе с Гольдманом пошел информировать об этом Алексея Ивановича. На основе того, что мы сообщили ему, Алексей Иванович сделал такой вывод: поскольку провалились люди, близкие Бухарину, только в ограниченном числе (трое) и никого из ближайшего окружения Рыкова не взяли, очевидно, всех нитей в руках ОГПУ нет и,

следовательно, можно думать, что вся организация не провалена. В связи с этим он подтвердил все директивы о вредительстве и терроре, которые давал раньше, указав только на то, что самый провал обязывает нас к еще большей конспиративности. Работу по подготовке террористических актов, равно как и вредительскую деятельность приостанавливать нельзя, т.к. эту работу ведут разные группы и провал одной группы автоматически не влечет за собой провала всех остальных групп. Надо только соблюдать особую конспиративность в работе.

Ежов. Где у Вас происходил этот разговор?

Радин. Этот разговор был у Рыкова на квартире.

Рыков. И о платформе был разговор?

Радин. Да, о рютинской платформе был разговор. При одной из последующих встреч Рыков, говоря о провале с платформой, рекомендовал нам для того, чтобы замести всякие следы, пропагандировать такую вещь, что рютинская платформа есть документ, сфабрикованный в недрах ГПУ с тем, чтобы доказать, что правая организация к этому документу никакого касательства не имеет.

Рыков. Зачем же распространять слухи, что к правым платформе не имеет касательства, если его сделало ГПУ?

Радин. Очень просто, Вы сами об"ясняли. Затем, чтобы замести следы. Провалилась наша группа, нужно доказать, что к правым она касательства не имеет. Содержание платформы Вы расскажите сами потому, что Вы лучше его знаете, но Вы мне говорили, что нужно развивать двойную версию, что возможно документ сфабрикован ГПУ или его выпустила какая-то "дикая" группа, ничего общего с правыми не имеющая.

Ежов. Есть у вас вопросы к Радину?

Рыков. Я говорил, что возможно троцкисты ее выпустили.

Радин. Нет, Алексей Иванович! Я говорю точно как было в действительности.

Рыков. У меня вопрос. Не помнит ли он как он посетил меня и уговаривал возобновить работу, аргументируя тем, что существующее руководство партии меня к руководящей работе не пустит и что для меня нет другого выхода, как возобно-

вить борьбу, причем он мне тогда сообщил, что и другие оппозиционные группы также думают возобновить свою борьбу с партией.

Радин. Как "возобновить работу", когда она никогда не прекращалась?

Рыков. Значит Вы отрицаете? А я утверждаю, что такой разговор был и я вам говорил, что никакой платформы и программы, и никакой почвы для массового недовольства в стране нет, а вы говорили о том, что работу нужно продолжать, а что я будто бы от работы отстраняюсь.

Причем, я утверждаю теперь (тогда это для меня еще неясно было), что вы в это посещение были эмиссаром, посланцем какой-то группы. Я не знаю, с троцкистами, зиновьевцами, с какой сволочью вы были связаны, но вы были эмиссаром от них. Вы вели в этой беседе разговор о войне, что близка война и что эту войну надо использовать для борьбы. На это я вам ответил, что всякая война ведет к сплочению сил, что если сейчас безнадежное положение, то период войны, безусловно, безнадежнее и предупредил, что вы докатитесь черт знает до чего, что ваши колебания вам надо бросить.

Это был второй разговор. Первый разговор был, когда вы работали в газете "За индустриализацию", когда вы сказали, что Вас прикрепили к какому-то кружку, что вы предполагаете выйти из партии, и я вас предупреждал в присутствии жены и дочери о том, что это гнусность, о том, что нельзя бороться с коммунизмом, что лучше вместе с партией ошибаться, чем идти против партии.

Я вам скажу, что Вы именно были тем человеком, в составе Наркомата, который стремился планировать советскую экономику, черт знает как и именно вы внесли предложение, требуя от меня, председателя Совнаркома, перевозки для любого частника и кулака хлеба, Ваша политика заключалась в том, чтобы не меня слушаться, а в том, чтобы давить на меня в совершенно противоположном партии направлении и вы окончили тем, что пришли ко мне в качестве посланца от какой-то организации. Это было в том 1932 году, о котором вы гово-

рите, что я вам давал директиву о терроре. Я только не понимаю, почему вы врете, зачем вы врете, что вы от этого выиграете? Или вы имеете директиву от Троцкого, от Зиновьева, черт знает от кого...

Ежов Радину. У вас был такой разговор с Рыковым?

Радин. Я говорил, что был разговор в 1932 году. Алексей Иванович подтвердил этот разговор. Никаким эмиссаром, ни от какой группы я к нему не являлся, а явился как его бывший секретарь и как участник той организации, которую Алексей Иванович возглавлял.

Насчет того, что я являлся представителем Зиновьева, Троцкого и т.д. ... Алексей Иванович прекрасно сам знает по каким линиям шло установление связи с троцкистскими организациями. Алексей Иванович изображает дело так, что не он был вождем организации правых, а чуть ли не я являлся его идейным опекуном.

Рыков. Вносили вы предложение о перевозке хлеба частными лицами?

Радин. Я вносил предложения всякие. Эти чудовищные предложения вы не только не отвергали, не только не считали их ужасными, вы считали возможным их прикрывать.

Рыков. Но вы приезжали ко мне с вопросом о том, чтобы я поднял борьбу, что существующее руководство не даст мне политически работать, что нет у меня другого выхода и надо бороться вместе со всеми остальными и что вы предполагаете, что все остальные развернут тоже активную борьбу.

Радин. Это тот самый разговор, о котором я показываю с полной откровенностью, разговор о том, что организация правых бездействует, несмотря на выгодную удобную хозяйственную конъюнктуру, которая, по вашим словам, Алексей Иванович, была спланирована так, что для нормального течения не было никаких условий. Не вы ли первый говорили о том, что не видите как Сталин выберется из этого!

Вы, признавая серьезность хозяйственного положения, считая, что сталинское руководство ведет страну к краху, - какой делаете из этого практический вывод? Вы ставили вопрос, что надо начать активней действовать, а вот Вы меня сейчас изобразили в роли идейного вождя...

Рыков. В роли вредного работника!

Радин. Правильно, вредного работника, воспитанного непосредственно Вами, под Вашим руководством я вступил в организацию.

Рыков. Вам сколько лет?

Ответ. Не годами это определяется.

Рыков. Вы до поступления ко мне были уже красным профессором.

Радин. Что же из этого? Вы думаете каждый красный профессор годится в председатели Совнаркома? Я считаю, что не образованием, не формальными соображениями определяется политическое лицо того или иного политического деятеля. Помните, когда на ячейке Совнаркома, во время чистки, пытались изобразить дело так, что я на Рыкова влияю, что Рыков под мою дудку пляшет, - Вы первый над этим смеялись; а вместо того, чтобы зловредного человека обезвредить...

Рыков. Совершенно верно! В этом моя ошибка. Об этом разговоре я должен был рассказать Ягоде, и тогда троцкизм был бы вскрыт раньше.

Радин. Одну веревочку вили Алексей Иванович.

Рыков. Я Вас уговаривал оставаться в партии, говорил о том, что никакую войну ни один коммунист не может использовать ни для какой борьбы, сказал, что Вы очень скверно кончите. А тут приходится разговаривать черт знает о чем!!

Радин. Вы напрасно волнуетесь. Действительно, Вы уговаривали меня оставаться в партии, действительно я испытывал кое-какие колебания в отношении того - можно ли продолжать ту политику двурушничества, которую Вы выдумали.

Для чего нам нужно было оставаться в партии? Вовсе не для того, чтобы помириться со Сталиным. Вы что-то с ним не очень мирились. До последнего времени Вы боролись со Сталиным! Вот эмиссаром я не знаю кого Вы были, когда Вы рассказали мне с Гольдманом о карикатуре "Последних новостей". А разговор о кроликах, помните?

Рыков. Последний номер "Последних новостей" я получил в 1929 году.

Радин. Имейте в виду, здесь сидит стенографистка. Не правда, в 1929 году Вы продолжали получать "Последние новости" и в 1930 году продолжали их получать, Гольдман может подтвердить это. Не Вы ли были тем, кто организовывал борьбу со Сталиным и рассказывал мне и Гольдману по поводу карикатуры и соответственных шаржей из "Последних новостей" в 1932 г., где речь шла о кроликах. Рыков говорит сейчас, что он перестал бороться со Сталиным. Однако он мне, мерзавцу, как он изображает меня, рассказывал обо всем этом.

Да, Алексей Иванович, я нехороший человек, я был антисоветским человеком, но вы о Сталине рассказывали мне в озлобленных тонах.

Рыков. Не помню.

Радин. А это действительно было так.

Рыков. Может быть.

Радин. Вы рассказывали, что Сталина в белой газете изобразили в повозке, которую тащат кролики, а он с длинным хлыстом.

Рыков. Я был против кампании с кроликами.

Радин. Я говорю о злобных разговорах, которые вы со мною вели о Сталине.

Рыков. Не помню.

Радин. У Вас память, Алексей Иванович, короткая на те вещи, которые Вам невыгодно припомнить. Вы спрашиваете откуда я получил директиву? Я по совести поступаю, правду рассказываю, мне бороться с партией уже стало не в состоянии.

Рыков. Очень красиво. Вы сказали, что правые бездействовали, это Ваша характеристика, так почему же Вы не продолжаете дальше говорить о бездействии?

Радин. Да, я говорил бездействуете, но Вы, Рыков, ответили, что это не совсем так. Вы говорили, что центр решил перейти к новым методам борьбы с партией. Никто, Алексей Иванович, от Вас директив не получал о том, что надо

- 16 -

покончить борьбу в 1932 г. и разоружиться, и мы продолжали под вашим руководством, а не под моим, как вы пытались здесь говорить, бороться с партией, подрывать устои советского государства. Я много натворил, я за это отвечу, а вы увиливаете и думаете на нас, ваших воспитанниках, отыграться.

Ежов. Больше вопросов у вас друг к другу нет?
Кончаем на этом.

Ежов

30-ен, кс.

СТЕНОГРАММА ОЧНОЙ СТАВКИ

между ШМИДТ В.В. и РЫКОВЫМ А.И.

проведенной 22 февраля 1937 года

Ежов, обращаясь к Шмидту: У нас просьба к вам следующего порядка: расскажите все, что вы говорили на предварительном допросе, который еще не оформлен протоколом.

Шмидт. Хорошо.

Ежов. По возможности держитесь основных вопросов, связанных с вашей работой в организации правых, ваших связей с Алексеем Ивановичем, что смогло бы напомнить Рыкову о его участии в организации правых.

Шмидт. Летом 1928 года на даче у Томского в Болшеве обычно собирались в выходные дни я, Рыков, Бухарин, Томский, Угланов. Иногда присутствовал Уханов, Яглом, Мелвчанский, Козелев, Луговой Фигатнер. Наши встречи заключались в том, что мы слушали информацию Бухарина, Рыкова и Томского о положении в партии. Бухарин высказывался в том смысле, что Сталин захватывает власть, что Рыков, Томский, Бухарин оттираются от руководства, политика партии в отношении крестьянства - неправильна и ведет страну к гибели, что под видом нажима на кулака партия отталкивает от себя среднее крестьянство и т.д. Томский высказывал свои соображения относительно того, что профсоюзы находятся под угрозой лишения их самостоятельности. Центральный комитет хочет дать профсоюзам комиссаров и этим самым превратить их в технический придаток партийного аппарата.

Рыков высказывался тогда относительно экономической политики, главным образом, политике индустриализации, взгляды которого противоречили линии партии. Он говорил о неправильной линии в вопросах темпов индустриализации страны, которая ведет к чрезмерным обложениям крестьян и рабочих. Это был обычный разговор при встречах у Томского.

Рыков. Приблизительно, сколько раз летом я там бывал?

Шмидт. Раза три-четыре, но не обязательно каждый раз там присутствовать и говорить одно и то же. Достаточно было сказать это один-два раза, так как мы народ грамотный и да к тому же в значительной степени еще ранее были подготовлены Томским в борьбе против партии, ибо наша профсоюзная группа складывалась задолго до 1928 года.

Политика Томского в отношении руководства партии сводилась к тому, что он группировал вокруг себя людей, способных противопоставить себя партии. Следовательно, мы являлись не новичками, а людьми грамотными и вполне подготовленными для таких разговоров. Фактически это было начало контрреволюционной организации правых, которая сложилась из профсоюзных кадров, группировавшихся вокруг Томского, группы Бухарина, группы Рыкова, пользовавшегося известным авторитетом среди хозяйственников. К нам присоединился также Угланов, который изобразил дело таким образом, что к нам присоединится большинство Московской организации.

Таким образом, летом 1928 года контрреволюционные группы слились в организацию правых и впоследствии развернули открытую борьбу против партии. Это особенно сказалось во время с"ездов профсоюзов. Происходили не только совещания большого масштаба; но были узкие совещания, на которых обычно присутствовали Рыков, Бухарин, Томский, Угланов и я, которые, так сказать, пытались формулировать общую платформу для борьбы против партии. Особенно резко велась борьба на с"езде профсоюзов. Этой борьбой руководили на с"езде профсоюзов Рыков, Бухарин, Томский, Угланов и я. Эти лица тогда составляли основную руководящую группу в борьбе против партии. К тому времени группа Томского окончательно сложилась, при чем мнение у правых было таково, что такая консолидация сил, как группы в профсоюзах, углановцы в Московской организации, "бухаринская школка", затем значительное количество хозяйственников, которые шли за Рыковым, даст нам победу.

Было решено дать первый бой ЦК на с"езде профсоюзов и, если победа будет за профсоюзами, тогда резко поставить

вопрос о руководстве партии. Мы ставили тогда вопрос о том, что руководство партии в том составе, который есть, не годится, что это руководство приведет страну к гибели, что решающую роль в руководстве партии должны играть Бухарин, Рыков и Томский.

На с"езде профсоюзов борьба велась главным образом, под флагом большей самостоятельности профсоюзов, под видом борьбы против излишней опеки со стороны ЦК, в частности против ввода в состав Президиума ВЦСПС Кагановича, но на самом деле речь шла о превращении профсоюзов в нашу опору для борьбы против партии и ее политики.

В это время происходили совещания на квартире у Томского. Там обычно присутствовали Рыков, Бухарин, Томский и я. Перед этим было совещание узкого актива профсоюзных работников, которое происходило в Деловом Дворе, где были я, Яглом, Мельничанский, Томский и др. Не присутствовали Бухарин и Рыков, но все главки профсоюзов были там. Я в показаниях подробно перечисляю все фамилии. Этот актив обсуждал вопрос, как быть, если ЦК будет настаивать на введении Кагановича в состав президиума ВЦСПС. Тогда было дано указание со стороны Бухарина, Рыкова и Томского, что если уже согласиться на ввод представителя ЦК, то требовать, чтобы ввели не Кагановича, а Андреева. Это был тактический маневр, рассчитанный на обман профсоюзных масс, на то, чтобы внушить им, что речь идет не о принципиальных расхождениях, а идут мол споры из-за кандидатур. Мы заранее знали, что из этого ничего не выйдет, но нам нужно было выиграть время и исподволь втянуть массы в нашу борьбу против партии.

В связи с этим было решено, что Томский должен добиваться, вместо Кагановича, Андреева и, если ЦК не согласится, то уйти с заседания Политбюро и на фракцию с"езда не являться. Это решение наша группа тогда одобрила. Так Томский и поступил.

На квартире у Томского все время дежурили Рыков, Бухарин, Томский. От этой группы на фракции было предложено выступить Мельничанскому, Догадову и Угарову. Удалось выступить только Мельничанскому и Угарову.

На фракции профсоюзов мы потерпели поражение и это внесло в наши ряды большое смущение. Особенно болезненно реагировал Бухарин, который не ожидал такого разгрома на с"езде профсоюзов.

После нашего поражения на с"езде профсоюзов было решено, что часть профсоюзников должна немедленно законспирироваться и не выступать открыто. Сюда входили Мельничанский, Догадов, Яглом, Фигатнер и Славинский. Другие участники группы консолидировались, как действующий центр, для выработки программы дальнейшей активной борьбы с партией. Мы собрались после с"езда профсоюзов на квартире у Бухарина.

На этом собрании присутствовал я, Томский, Бухарин, Рыков, Котов, Угланов, Куликов, Цетлин - секретарь Бухарина. Это было в конце 1928 г. или в начале 1929 года, где была выработана программа - платформа правых Бухариным, причем эта платформа должна была быть подписана всеми участниками, а не только Рыковым, Бухариным и Томским.

Было решено создать руководящий центр. В этот центр вошли я, Рыков, Бухарин, Томский, Угланов и после принял участие Угаров. Обычно этот центр собирался на квартире Рыкова или Бухарина. В задачу этого центра входило направление всей борьбы с партией и руководство всей организации правых, которая не была распушена, а, наоборот, часть была законспирирована и оформилась в следующем составе: группа Бухарина, группа Томского, группа Рыкова по линии хозяйственников в Москве, группа Угланова и группа Угарова в Ленинграде.

В конце 1929 г., во время пленума ЦК партии, было соз-
вано заседание центра, чтобы решить, какую занять позицию на заседании Политбюро и какие принимать меры. К этому времени выяснилось, что платформа правых была бита и стоял вопрос о том, как быть дальше.

В ноябре 1929 года, во время пленума ЦК партии, было
решено, что продолжать открытую борьбу с партией тяжело, поэтому было решено, что часть группы по тактическим соображениям для видимости должна подать заявление об отказе от

своих взглядов. В эту группу вошли Угланов, Котов и Куликов.

Рыков. Где это вы решали?

Шмидт. Это было у тебя на квартире. Мы решили, что они подадут заявление, причем редакцией этого заявления занимались у меня на квартире.

Рыков. Для нас это было неожиданно.

Шмидт. Хорошая неожиданность, когда было условлено, что Вы остаетесь втроем на своих позициях, а мы должны себя законспирировать, чтобы сохранить наших людей. Это заявление должен был подписать и я, но по совету Томского я его не подписал. Дальше центр правых временно остался в составе трех лиц - Бухарина, Рыкова и Томского и продолжал свою работу.

С 1930 по 1932 год я временно с этим центром из-за болезни Томского порвал связь, так как главным образом я был связан с Томским. Мы с ним уговорились, что я законспирируюсь. Томский сказал, что они сохранят между собой связь. После выздоровления Томского и по приезде его из-за границы я снова вошел в этот центр по предложению Томского. В 1932г. когда мы убедились, что первая пятилетка успешно завершается, коллективизация сельского хозяйства идет хорошо, а мы изолированы от масс, - вражда к Сталину в нашей среде еще более усилилась. Тут встал вопрос убрать Сталина и мы уже перешли от общих разговоров к разговорам террористическим против Сталина.

В феврале или марте 1932 года, на даче у Томского были я, Бухарин, Рыков, Томский и Угланов, где стоял вопрос, что делать дальше. Говорили, что надо подытожить пройденный этап, наметить дальнейшую программную и тактическую перспективу.

Нужно было иметь платформу - программу, так как дальше существовать в таком виде нельзя было.

Нужно было уяснить себе и дать нашим единомышленникам ответ на волнующие их вопросы.

На этом совещании мы, т.е. Бухарин, Рыков, Томский, Угланов и я сформулировали основные положения, которые должны были затем лечь в основу платформы. Среди этих вопросов был пункт о необходимости насильственного устранения руководства ВКП(б), Сталина, т.е. пункт о терроре.

Рыков. Я был на этом совещании?

Шмидт. Да, ты был. Еще в самом начале 1932 года такие разговоры велись, где уже складывались основы будущей платформы. Стоял вопрос о терроре, об активизации борьбы и смене руководства всеми способами, вплоть до вооруженного восстания. Была намечена экономическая часть платформы, согласно которой должен был быть прекращен за дешевку наш экспорт. Говорилось о сужении коллективизации, о роспуске МТС, о том, чтобы часть наиболее здоровых совхозов оставить, а остальные ликвидировать, поскольку они являются нерентабельными, о кардинальном сокращении темпов индустриализации и т.д. Эти предложения были внесены для включения в платформу.

Встал вопрос как писать платформу: от имени трех членов центра? - Это было бы явно опасно, рискованно. Было решено, чтобы эта платформа была издана как бы от имени небольшой группы, менее авторитетной и в случае провала, чтобы можно было сказать, что эта группа, с нами не связанная, выпустила эту платформу. На основе этих основных установок было решено через Угланова поручить оформить эту платформу Рютину. В обсуждении этих вопросов я также принимал участие. Повторяю, что когда формулировалась платформа, то основная установка сводилась к тому, чтобы не вывозить сырья, что мы вывозим по дешевке наши продукты, что мы индустриализацию проводим не по средствам, часто кладем деньги куда не надо, что на совхозы нужно не давать много денег. Мне по этому поводу даже в свое время звонил тов. Сталин, почему я не даю деньги на совхозы. Так, что Алексей Иванович, я говорю так, как было, и ты не будешь отрицать.

Рыков. Я был на совещании?

Шмидт. Да, был. Я уже тебе об этом говорил. В течение всего лета происходили отдельные совещания, приезжали Славинский, Фигатнер, иногда Рыков и Бухарин. Такие совещания были все время. В августе 1932 года, когда эта платформа была готова, она была привезена Углановым в Болшево, на дачу к Томскому. Для обсуждения готового текста платформы собрались: Томский, Рыков, Угланов и я. Я на совещании несколько запоздал. Спорили только об экономической части. Рыков заметил, что по тактическим соображениям следовало бы, может быть, требования экономической части несколько смягчить, ибо эти требования уж больно бьют в нос. Томский указывал, что это не столь важно. Экономическую часть можно будет исправить, а о насильственном устранении Сталина там крепко и хорошо сказано. Это говорил и Рыков. Он с этой частью платформы, т.е. о терроре, о насильственном устранении Сталина был особенно согласен. ✓

Рыков. Я ее назвал шляпниковско-медведевской платформой. ✓

Шмидт. А ведь согласился и голосовал за нее!

Рыков. Как можно было голосовать, когда она была уже выпущена. Я выругался и ушел. Как ее обсуждать, когда вы ее дали перед пьянкой, народу было набито полно. Меня несколько человек отозвали в сторону и говорят, что с завода прислали программу и ее нужно прочесть. ✓

Ежов Шмидту. Где это происходило?

Шмидт. Это происходило у Томского на даче в Болшево. Экономическая часть прямо проповедывала упразднение и ликвидацию колхозов. Она была крайне резкая, но тогда Томский сказал Рыкову: "Позволь, это можно все исправить". Но по части, касающейся террора и других пунктов, Рыков полностью был согласен и мы приняли эту платформу, которая пошла потом как рютинская платформа и в случае провала должна была отвечать только рютинская группа. Так и вышло. Когда был арестован Угланов с этой группой, то истинный автор не был вскрыт. ✓

В 1932 году уже без Угланова, а лишь в составе меня, Томского, Рыкова и Бухарина обсуждался вопрос о моем отъезде на периферию, но не было решено куда я должен поехать.

После этого я с Рыковым не встречался. Встреча с ним произошла значительно позже, в 1935 году.

Здесь я хочу вернуться немного назад. В октябре месяце 1932 года мы решили с Томским уехать на охоту в отпуск, не дожидаясь пленума. К нам тогда присоединился Александр Петрович Смирнов, который также принимал участие в наших антипартийных разговорах о политике партии, о руководстве партии и т.д. Перед отъездом в Нальчик меня Томский предупредил, чтобы я был осторожен с Александром Петровичем, так как он свои настроения уж очень открыто высказывает и, возможно, в связи с этим за ним ведется слежка. Я сказал, зачем мы тогда берем его с собой. Томский ответил, что Смирнов все же нам пригодится, т.к. он имеет свою группу в составе Эйсмонта и Толмачева, которая по существу является контрреволюционной группой и может нам оказать большие услуги.

В Нальчике подробно обсуждали вопрос о моей поездке и что я должен делать в провинции. Тогда мне Томский говорил, что моя задача - группировать вокруг себя лиц, мало скомпрометированных перед партией, а также из других оппозиций, завязывать связи с людьми, вербовать также наиболее обиженных людей в партии, которые недовольны чем-либо. К этому же времени сложилось твердое мнение у нашего центра относительно того, чтобы принять участие во вредительстве, оттягивать темпы строительства и создавать недовольства в массах и т.п. Говорилось также о группе Толмачева, Эйсмонта, как ответвления нашей организации.

По возвращении из Нальчика нас тогда не разоблачили до конца и на пленуме ЦК партии нам поставили только на вид за связь с контрреволюционной группой Эйсмонта и Толмачева.

Рыков. Предупреждение сделали мне, а связаны были вы.

Шмидт. Ты об этом тоже знал через Томского.

Рыков. Ничего я не знал.

Шмидт. Не может быть такого положения, что Томский знал, а тебе было не известно. Я должен сказать, что иной раз у них были особые совещания в присутствии Томского, Рыкова и Бухарина, так что все подробности я не знаю. Может Рыков скажет о том совещании, которое было в конце 1929 г. или в начале 1930 г. Я сейчас расскажу об этом совещании. Томский обратился ко мне, чтобы я дал свою дачу под конспиративное совещание. Я спросил его - кто там будет. Томский ответил, что, если ты боишься, я найду себе другое место, предупредив, что это будет сугубо секретное совещание. Меня на это совещание не пригласили и я узнал об этом совещании позднее от самого Томского, который сообщил мне, что на этом совещании присутствовали Бухарин, Рыков, Каменев и Томский.

Рыков. Я не был.

Шмидт. Вы не можете отрицать потому, что мне Томский точно сказал, он мне всегда говорил правду. Был ты, Томский, Бухарин. Это происходило у меня на даче. Когда я спросил Томского, кто там был, то он мне сказал, что среди них был Каменев. Я ему сказал, как вы не боитесь приглашать на заседание Каменева, он может вас выдать. Томский мне сказал, что Каменеву поставили серьезные условия и он не выдаст.

Рыков. Почему же Каменев молчал до сих пор об этом.

Шмидт. Это уж я не знаю. Почему ты молчишь до сих пор. Тем более, что к тому времени вопрос о блоке правых с Каменевым и Зиновьевым по существу был решен. Алексей Иванович, разве ты не помнишь, что у тебя на квартире Томский рассказывал, что ходили к Каменеву и намечается сговор, это было еще в 1928 году. Правда, он нам тогда обширно не сказал, но было известно, что такой разговор был. Следовательно, совещание с Каменевым у меня на даче играло совершенно другую, более серьезную роль. Из слов Томского я понял, что вопрос шел там и о терроре.

Рыков. Откуда ты узнал это дело.

Шмидт. Я узнал от Томского.

Ежов. Еще какие встречи у тебя были с Рыковым?

Шмидт. Я уехал на Дальний Восток. Встретился я с Рыковым только в 1935 г. У меня там была подготовлена группа, которую я должен был окончательно оформить. Я тогда зашел к Алексею Ивановичу, в его кабинет в Наркомат связи, рассказал ему, что делается на Дальнем Востоке, и спросил его, как идут дела по его линии. Он сказал, что дела обстоят плохо, что надо строить большую радиостанцию, и я ему сказал, что радиостанции надо строить военной силой. Тогда был у меня разговор с Рыковым насчет убийства Кирова. Алексей Иванович сказал, что наверно и меня "скоро упекут".

В этот приезд я установил связь и с Томским через его секретаря Войнова и получил от него записку, что положение остается старым, работу надо продолжать, блок с троцкистами налажен.

Ежов. У Рыкова имеются вопросы к Шмидту.

Рыков. Ты был у меня в 1936 году?

Шмидт. В 1936 г. я не был у тебя, ты уезжал на Дальний Восток.

Рыков. Или это было в 1935 году.

Шмидт. Да, это было в 1935 году.

Рыков. Что вы с Томским не виделись?

Шмидт. Я могу тебе рассказать секрет, почему не виделся. После того, как меня чуть не разоблачили по линии "Трансугля", я тогда остался работать во Владивостоке и работал по советской линии начальником крайкомотдела и должен был в 1932 году ехать в Москву с контрольными цифрами. Во время чистки в Хабаровске на меня сильно насели о работе "Трансугля". Я старался доказать свою лояльность партии. Стоял вопрос о моей связи с Томским, Бухариным, Рыковым, о моем исключении из партии. Я тогда каялся и заявил, что порываю всякие отношения с Томским. Когда я приехал сюда в 1934 году, после угрозы об исключении меня из партии, я не встречался с Томским. Я тогда заявил Славинскому,

чтобы он передал Томскому, что я по таким-то соображениям встречаться с ним не могу, тогда в 1934 году был недолго в Москве, дней 20.

Рыков. Почему я об этом не знал.

Шмидт. А что я обязан обо всем тебе говорить, я не должен обо всем рассказывать, ты же мне не все рассказал. Я был у тебя в 1935 году, спрашивал, как обстоят дела в нашей организации и ты послал меня к Томскому. По этим соображениям, о которых я говорил, я в 1934-35 г.г. с Томским не виделся, а только связывался через оказии. Я об этом в протоколе все скажу.

Ежов. Еще у тебя есть вопросы, Алексей Иванович?

Рыков. Нет.

Ежов Рыкову. Откуда вы узнали о рютинской платформе?

Рыков. Я узнал о ней на квартире у Томского. ✓

Шмидт. Ты путаешь два момента.

Рыков. Я знаю два момента, что мы ее частично прочитали. Я эту платформу выругал. Я узнал о ней из ЦК, а потом действительно ее видел в Болшево, говорили, что как будто рабочий с какого-то завода ее принес. ✓

Шмидт. Вы не только знали, но и обсуждали, составляли тезисы платформы.

Рыков. Может быть вы ее обсуждали, но я не знал и не обсуждал.

Шмидт. Ты же ее с нами вместе и обсуждал и заметил, что экономическую часть надо будет несколько завуалировать...

Рыков. Я выругал ее как медведевскую платформу.

Шмидт. Неправда, предварительно ее мы обсуждали.

Рыков. Нет, не обсуждал.

Шмидт. Ты лучше скажи чистую правду и не скрывай.

Рыков. Я говорю чистую правду.

Шмидт. Выходит, что ты зритель, а я должен за это отвечать. Мне дается прямое указание от центра.

Рыков. Кто дает?

Шмидт. Томский.

Рыков. А мне что за дело до этого?

Шмидт. Ведь вас с Томским нельзя было водой разлить. Вся эта контрреволюционная работа, которую я вел, о которой ты мне говорил, которую мне Томский передавал, ведь это же было решение нашего центра. Сам бы я не пошел на это дело. Я очутился сейчас в таком положении, что каждый мне может сказать, что ты враг, ты подлец, что я сознательно развалил работу "Трансугля". Ты вместе с Томским и Бухариным заставлял это нас делать.

Рыков. Нет, никаких указаний я не давал и ничего не заставлял.

Шмидт. Ты сделал из нас врагов народа. Ты что думаешь, что ты вроде святого? Ты был и председателем Совнаркома и членом нашего центра, ты знаешь, в чем дело, с твоего ведома и твоего согласия все делалось, ты также ответственен, как и я.

Рыков. Не говорил я ничего, не путайте меня.

Шмидт. Ты тогда возглавлял борьбу в Политбюро, ты руководил нами и заставлял нас бороться против народа и переходить в лагерь капиталистов, в лагерь врагов рабочего класса, а теперь ты хочешь отвертеться от этой ответственности. Не выйдет, Алексей Иванович. Давай уж вместе отвечать.

Рыков. Я не виноват.

Шмидт. Ты должен нести ответственность в такой же мере, как и все мы, а я вот честно заявляю о своих преступлениях.

Ежов. Больше вопросов у вас нет, на этом прекратим очную ставку.

